

На правах рукописи

Антонов Алексей Васильевич

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена на кафедре философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»

Официальные оппоненты: **Колосова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин

Орехов Андрей Михайлович, доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доцент кафедры социальной философии

Шестаков Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева» (СибГАУ)

Защита состоится 14 июня 2016 г. В 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.14 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=249042>

Автореферат разослан _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Е. С. Черепанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В экономической и социальной сфере общества, начиная с последней четверти XX века, продолжают нарастать изменения, которые еще не в полной мере нашли осмысление в рамках современной социальной философии. Научно-техническая революция и информатизация общества привели не только к трансформации его классовой структуры, но и к возрастанию роли знаний в социально-экономических процессах. Цены товаров перестают определяться издержками производства, и это дает основание говорить о «диффузии», «деструкции» и даже об исчезновении регулирующей роли отношений стоимости в современной экономике. На основании этих изменений усилиями футурологов, социологов, философов, экономистов и представителей других гуманитарных наук в конце XX века был сделан вывод о том, что современное общество вступило в новую фазу своего развития – постиндустриальную.

Этот вывод стал достоянием не только одних теоретиков. В развитых странах мира, в том числе и в России, были приняты государственные программы построения информационного общества и общества знаний. Этому способствовало и то, что долгие годы мировая экономика не знала глобальных потрясений. Неудивительно, что порожденный индустриальной эпохой марксизм, предрекавший капитализму постоянные кризисы и гибель, - был повсеместно отброшен как неадекватное учение.

И, вдруг, неожиданно во время кризиса 2008-2009 годов зашаталось все здание мировой экономики. Серьезные трудности возникли в финансовой системе. Стало очевидно, что стоимость еще рано списывать со счетов. Таким образом, в современной социальной философии объективно возникла проблемная ситуация.

С одной стороны, сектор экономики, где цены товаров определяются издержками производства, и где, соответственно, они регулируются отношениями стоимости, занимает незначительное место в массе выпускаемых товаров. А значит, постиндустриальные теоретики имеют все основания писать о том, что мы живем уже в каком-то новом типе общества, где экономика регулируется новыми отношениями, будь то знание или информация.

С другой стороны, нельзя не считаться и с доводами марксистов. С их точки зрения, поскольку кризисы продолжают сотрясать общество, - постольку марксовы определения капитализма остаются в силе.

Таковы два взаимоисключающих подхода к проблемам стоимости, которые объективно наличествуют в современной социальной философии. Определить, действительно ли стоимость сдает свои позиции, а капитализм отрицается новым типом общества – вот вопрос, на который сегодня пытается найти ответ социальная философия. Поэтому обращение в диссертационной работе к философским проблемам теории стоимости представляется актуальным и вполне созвучным времени.

Философский ответ на поставленный вопрос является актуальным еще и потому, что ни социология, ни экономика, ни какие-либо другие конкретные науки, в принципе не способны дать какого-то междисциплинарного решения. Философия же является наилучшим инструментом для решения спорных теоретических вопросов, во-первых, потому, что представляет собой наиболее последовательный тип мышления, а, во-вторых, потому, что философия не ограничивается изучением одних только явлений, а пытается пробиться к сущности изучаемых феноменов.

Степень научной разработанности темы. Теоретических источников, проливающих свет на проблемы стоимости, существует множество. Однако не все из них рассматривают стоимость в качестве социально-экономического отношения, образующего тип общества в ту или иную историческую эпоху. Между тем, диссертанта в данной работе интересуют именно эти аспекты отношений стоимости, то есть как раз ее сущностная или воспроизводственная сторона, поскольку постиндустриальные теоретики настаивают на изменении самого типа общества,

Сторонники постиндустриальной концепции пишут о том, что нынешний кризис отношений стоимости – последний и окончательный. Между тем, история свидетельствует о том, что теория стоимости переживала подобные кризисы и раньше. Поэтому первый пласт разбираемой в диссертации литературы представлен трудами классиков философии и экономической теории, сформировавших свои взгляды на стоимость в периоды глубинных потрясений в жизни общества. Среди них анализируются работы Т. Веблена, Дж. К. Гэлбрейта, У.С. Джевонса, Ф. Кенэ, Д. Локка, К. Маркса, К. Менгера, Дж.С. Милля, У. Петти, П.-Ж. Прудона, Ж. Симонда де Сисмонди, Д. Рикардо, А. Смита и других не менее известных мыслителей.

Второй слой исследуемой в диссертации литературы образуют труды, посвященные изменениям уже современного общества. Среди них в работе рассматриваются, в первую очередь, те, в которых сформулированы теория постиндустриального общества, концепции информационного общества и «общества знаний». Это работы таких известных экономистов, социальных мыслителей и футурологов как Д. Белл, Ж. Бодрийяр, П. Дракер, М. Кастельс, В.Л. Иноземцев, О. Тоффлер, К. Эрроу и другие авторы.

Третий пласт изучаемой в диссертации литературы образуют труды представителей неомарксистской точки зрения на происходящие в современном обществе процессы. Среди них работы А.В. Бузгалина, Д.П. Горского, В.Я. Ельмеева, А.И. Колганова, Е.Ф. Решетина, Ю.В. Яковца и других философов и экономистов.

Наконец, особое место в ряду источников диссертационного исследования занимают работы представителей такой зарождающейся научной дисциплины как «философия экономики». Это работы Н. Н. Александрова, В.А. Канке, А.М. Орехова, В.В. Орлова и Т.С. Васильевой, А.И. Самсина и некоторые другие.

Объект исследования. Объектом исследования в настоящей работе является система социально-экономических отношений общества конца XX – начала XXI века.

Предмет исследования. Предметом исследования диссертации является процесс трансформации отношений стоимости в современной экономике.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является анализ кризиса отношений стоимости в современной экономике, и ответ на вопрос, является ли верным вывод теоретиков постиндустриального общества и неомарксистов об отмирании стоимости и перерождении капитализма в качественно новый тип общества. Для достижения этой цели диссертантом последовательно решаются следующие задачи:

1. Критически рассматриваются прошлые кризисы отношений стоимости.
2. Критически рассматриваются взгляды теоретиков постиндустриального общества и его модификаций, а также неомарксистов на трансформацию отношений стоимости в современной экономике.
3. В качестве философского способа отражения социально-экономической действительности анализируются превращенные формы стоимости.
4. Выделяется и описывается такая превращенная форма прибавочной стоимости как «организационная».
5. Изучаются изменения классовой структуры современного общества, вызванные появлением организационной формы прибавочной стоимости.
6. Анализируются проблемы становления такой превращенной формы стоимости как «мировая валюта».

Методология исследования. В качестве основного метода исследования в диссертации применяется исторический материализм, с его единством логического и исторического, неразрывностью диахронии и синхронии, отраженного и отражаемого, а также учетом изменений самого предмета анализа.

Кроме того, заявленная в исследовании тема, будучи многоаспектной, потребовала также и междисциплинарного подхода к ее анализу.

Источники исследования. Теоретическими источниками диссертации послужили труды классиков философии и экономической теории, работы ведущих зарубежных и отечественных философов, социологов и экономистов, посвященные проблемам развития современного общества. Кроме того, в диссертации используются исследования известных специалистов в области культурологии и экономической истории.

Гипотеза исследования. В настоящий момент в социальной философии конкурируют два подхода к определению сущности современного общества. Постиндустриальные теоретики считают, что стоимость в наши дни утратила регулирующие функции в экономике, и по этой причине общество больше не может рассматриваться как капиталистическое. Мир переживает рождение нового типа общества, основанного на информации и знаниях.

Сторонники же марксистского направления в философии отстаивают ту точку зрения, что стоимость остается неизменной. А значит, и современный тип общества – это, описанный К. Марксом капитализм.

В качестве рабочей гипотезы в диссертации рассматривается предположение, что в условиях современной экономики стоимость выступает уже не в подлинном своем виде, а проявляет себя в качестве развитых превращенных форм, что, в конечном счете, и позволяет авторам разных теорий противоположным образом отражать одну и ту же действительность.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Стоимость проанализирована в качестве воспроизводственного, а не узко производственного отношения. Это позволило установить, что история экономических учений пережила не одну только научную революцию - при переходе от классической теории к маржиналистской. Переход от меркантилистских воззрений к физиократам, а от них к классике – также представлял собой коренную ломку научных представлений.

2. Прояснен генезис отношений стоимости.

3. Реактуализирован метод превращенных форм для анализа социально-экономической действительности.

4. Впервые в философской и экономической литературе синергетический эффект от совместно используемого труда описан как «организационная» форма прибавочной стоимости.

5. Рассмотрены изменения классовой структуры современного общества, вызванные появлением организационной формы прибавочной стоимости;

6. Проанализирован процесс становления такой превращенной формы стоимости как «мировая валюта».

Положения, выносимые на защиту:

Проведенное в диссертации исследование философских проблем теории стоимости привело автора к следующим выводам, выносимым на защиту:

1. Воспроизводственный, а не узко производственный подход к анализу общественных явлений, принятый в настоящей диссертации, эвристически в большей степени отвечает потребностям философского анализа социальной действительности.

2. Отношения стоимости, а, соответственно, и отражающие их социально-экономические теории, развиваются не линейно. В диссертации показано, что переход от концепции меркантилистов к теории физиократов, а от нее – к классической, - представлял собой такие же научные революции, как и переход от теории классиков к маржиналистам.

3. Экзистенциалистские, а не эссенциалистские стандарты, утвердившиеся в современных гуманитарных науках, затрудняют поиск сущностных закономерностей в развитии общества. Поэтому марксов метод превращенных форм, который обращается к сущности, а не явлениям, как минимум, заслуживает того, чтобы быть реактуализированным.

4. В условиях современной экономики, с ее усиливающимся влиянием интенсивных форм ведения хозяйства, начинает проявлять себя такая

превращенная форма прибавочной стоимости как «организационная», которая уже не связана с присвоением неоплаченного рабочего времени, как это было у К. Маркса, а, по сути, представляет собой синергетический эффект от целесообразности совместно используемого труда.

5. Организационная форма прибавочной стоимости по-новому решает вопрос о производительном и непроизводительном труде, а, соответственно, и оказывает влияние на становление новой классовой структуры общества. Поэтому, на взгляд диссертанта, в условиях современной экономики, с точки зрения социальной философии, точнее говорить уже не о противоречиях между пролетариатом и буржуа, а между наемным трудом и капиталом.

6. Интенсификация современной экономики ведет к тому, что все большую роль в капиталистической системе начинает играть финансовый капитал. Отрыв доллара от золотого стандарта не только ускорил этот процесс, но и дал старт ряду новых. В частности, в диссертации сделан вывод о том, что в современной экономике наблюдается становление такой новой превращенной формы стоимости как «мировая валюта».

7. По мнению диссертанта, вопреки утверждениям теоретиков постиндустриального общества и его модификаций, а также неомарксистов, современный капитализм, меняя привычные формы, не меняет своего содержания. В условиях новой экономики мы наблюдаем не «диффузию» и не «деструкцию» отношений стоимости, а ее очередную «реконструкцию» и функционирование в виде превращенных форм.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что воспроизводственный подход и методология превращенных форм, примененные в диссертации, в качестве эвристической модели могут быть использованы при разработке других разделов социальной философии. Полученные в диссертации результаты расширяют имеющиеся знания о трансформации отношений стоимости в современной экономике, и создают предпосылки для более широкого и глубокого анализа переходного состояния общества начала XXI века.

Кроме того, основные теоретические положения работы могут быть полезными при подготовке курсов лекций, в первую очередь, по социальной философии, истории экономических учений, философии истории и смежных с ними дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности полученных в диссертации результатов обеспечена общепризнанной методологической базой исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы были обсуждены на международных, республиканских и региональных научных конференциях. Концептуальные установки и результаты диссертационного исследования были опубликованы автором в 23 статьях и 1 монографии, из которых 15 статей увидели свет в изданиях, включенных в рекомендательный список ВАК РФ. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры философии

и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения и библиографического списка. Объем работы составляет 214 страниц. В списке цитируемой литературы 204 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы диссертации, выясняется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе – **«Кризисы теории стоимости в истории экономической мысли»** - рассматривается трансформация отношений стоимости, которую она претерпела в своем развитии до XX века.

В §1 первой главы – **«От меркантилистов к физиократам»** – изучаются докапиталистические формы функционирования стоимости: от первых ее отражений в письменных источниках древнейших цивилизаций до трудов Ф. Кенэ. Диссертант отмечает, что, формулируя вывод об исчезновении стоимости в современной экономике, постиндустриальные теоретики опираются в своих рассуждениях на образ стоимости, который возник в трудах представителей классической школы в политэкономии. В работах А. Смита, и К. Маркса фигурирует стоимость, которая порождается трудом в процессе производства. Однако, как показано в диссертации, трудовая парадигма впервые в социальной философии возникла только в трудах Д. Локка. А до него и теоретики, и практики признавали, что стоимость может создаваться и без помощи труда.

По мнению диссертанта, постиндустриальные теоретики не обратили внимания на следующее методологическое обстоятельство. В **«Капитале»** К. Маркс показал, что в процессе капиталистического воспроизводства потребление, обмен и распределение выступают в роли внутренних моментов производства. Поэтому применительно к капиталистической экономике термины **«воспроизводство»** и **«производство»**, фактически, совпадают, поскольку воспроизводство всегда выступает лишь в качестве постоянно возобновляемого производства. Однако при характеристике других социально-экономических эпох никак нельзя не учитывать того обстоятельства, что потребление, обмен, распределение и производство являются относительно самостоятельными формами экономической жизни.

В частности, в докапиталистической экономике в функционировании стоимости обмен играл гораздо большую роль, чем собственно производство. В диссертации показано, что в те времена прибавочная стоимость рождалась, прежде всего, в процессе неэквивалентного обмена. Со средних веков, и почти до самой промышленной революции производство и продажа товаров и услуг

были организованы повсеместно в форме цеховых союзов, единственной целью которых было учреждение и поддержание той или иной монополии. Даже университеты – и те были созданы в Европе для поддержания монополично высоких цен на обучение. Таким образом, отмечает диссертант, получение прибыли с помощью неэквивалентного обмена было общераспространенной практикой, которая, в конце концов, нашла свое теоретическое отражение в концепции меркантилистов.

Монополия и неэквивалентный обмен, - это был конечный вывод тогдашней экономической науки. И, тем не менее, именно против этого пункта, в первую очередь, выступила школа физиократов, к которым принято относить Ф. Кенэ и его многочисленных учеников и последователей. В трудах физиократов было не просто отвергнуто представление меркантилистов о богатстве как результате неэквивалентного обмена, но и, наоборот, эквивалентность обмена утверждалась в качестве первой аксиомы экономической жизни. И поскольку обмен уже больше не мог участвовать в производстве прибавочной стоимости, постольку физиократам пришлось искать ее новый источник. В конце концов, источником прибавочной стоимости они признали производство самой природы.

И это был первый революционный переворот во взглядах на стоимость. Как показано в диссертации, в итоге развития торговли в рамках стоимости как воспроизводственного отношения произошел ощутимый сдвиг – от обмена к производству. В качестве субстанции стоимости в умах физиократов стала фигурировать уже некая «производительная сила». Не случайно Ф. Кенэ был первым, кто заговорил о существовании в обществе «бесплодных классов», которые не производят для него никаких «богатств».

В экономической теории утвердилась точка зрения, что временные рамки меркантилизма и физиократов пришлись на период становления капитализма, а незрелые отношения в качестве отражения порождают и незрелые теории. По этой причине в учебниках по истории экономических учений Ф. Кенэ и считается предтечей трудовой теории стоимости. Ведь он, и в самом деле, писал о том, что без приложения труда земля никакой ценности собой не представляет.

Однако, если рассматривать проблемы стоимости с точки зрения философии, которая критически исследует также и методологию познания, то мы не вправе останавливаться только на этом. Ведь еще Т. Кун убедительно показал, что все победившие парадигмы рассматривают предшествующие концепции как путь к самим себе. Не представляет собой исключения в этом отношении и трудовая теория стоимости.

К. Маркс писал в «Капитале» о том, что развитие торговли ведет к появлению промышленного капитала через эпоху «первоначального накопления». При этом К. Маркс не скрывал, что в «Капитале» он использует диалектику Г.В.Ф. Гегеля, пускай и в «перевернутом» виде. Впрочем, по мнению диссертанта, этот переворот заключался лишь в том, что на место

развивающейся идеи была поставлена развивающаяся материя. Сами же законы диалектики остались у К. Маркса нетронутыми.

Между тем, у Гегеля всякое «абстрактное» предшествует «конкретному». Тем самым, замечаем мы это или нет, но, фактически, у Гегеля последующее всегда определяет собой содержание предыдущего. Легко заметить, что та же схема, по сути, остается и у К. Маркса. Промышленный капитал исторически появляется после торгового. Следовательно, внутренним содержанием эпохи торгового капитала, так сказать, ее логикой оказывается порождение капитала промышленного.

Однако мы помним, что, с точки зрения **исторического материализма**, провозглашенного самим же К. Марксом, любая эпоха должна объясняться из ее собственных закономерностей, а не из закономерностей следовавшей за ней эпохи. Если же взглянуть на проблему происхождения промышленного капитала с этой точки зрения, то мы с удивлением обнаружим, что даже в годы позднего меркантилизма никто из торговцев не ставил своей целью копить деньги для того, чтобы впоследствии вложить их в промышленность. Внутренний мотив торговли, как и во все времена, состоял в получении максимальной прибыли. Естественным продолжением торговой сделки, дававшей такую прибыль, было совершение другой подобной же сделки, только в более крупном масштабе. В тех же случаях, когда достичь этого было нельзя, прибыль либо выпадала в виде «денежных кристаллов», либо ссужалась другим, более удачливым коммерсантам. И поскольку с какого-то момента истории подобный процесс стал протекать иначе, постольку его причину следует искать не в гипотетических потребностях промышленности, которой, заметим, в ту пору еще вовсе не было, а в изменении условий самого товарного обращения.

В диссертации отмечено, что история дала убедительный пример фантастического «первоначального накопления капитала» в странах Европы после открытия Америки. С 1500 по 1600 годы на рынки Европы ежегодно поставлялось свыше 300 000 килограммов серебра и около 7 500 килограммов золота. Однако это просто обрушило цены, и ни к какому подъему промышленности в те годы так и не привело.

В конце концов, погоня за торговой прибылью, все-таки, создала промышленность, но вовсе не так, как это было описано в «Капитале». Она появилась не в результате, описанного К. Марксом «накопления капитала», а была порождена внутренними закономерностями самой торговли. Как раньше, так и сейчас большая прибыль в торговле достигается в тех случаях, когда на рынке появляются товары, цены на которые мало известны публике. В средние века и в Новое время это были, как правило, заморские товары.

Как свидетельствуют историки, философы и экономисты тех лет, вслед за первооткрывателями новых рынков, устремились тысячи судов с теми, кто старался не упустить и свою выгоду. В этом проявлялось действие еще одного закона торговли: чем больше масса получаемой прибыли, тем меньше она чувствительна к ее норме. Конкуренция между купцами породила массовое

потребление невиданных прежде товаров. Трехмачтовые галеоны и каравеллы превратили такие экзотики, как, например, чай или кофе в самые заурядные товары.

В конце концов, развитие торговли привело к тому, что весь перечень товаров, которые на земле можно было встретить в естественном виде, уже перестал быть диковиной, приносящей торговцам сверхприбыли. В новых условиях монополями, а, следовательно, и сверхприбыльными, могли стать только те товары, которые уже производятся, а не встречаются в природе в готовом виде. На взгляд диссертанта, именно это явилось действительной причиной роста числа мануфактур. Денежное накопление просто ускорило этот процесс. Происходящее параллельно с этим увеличение числа торговых сделок привело к тому, что общественной нормой коммерческих операций, отныне, и уже навсегда, стал эквивалентный обмен. Таким образом, эквивалентность обмена, которую физиократы считали неотъемлемым свойством самой торговли, на деле, оказалась итогом ее тысячелетнего исторического развития.

В §2 первой главы – **«От физиократов к трудовой теории стоимости»** – диссертант отмечает, что появление трудовой теории стоимости представляло собой уже вторую революцию в экономической науке. Как физиократы начали с отрицания неэквивалентного обмена, который составлял основу воззрений меркантилистов, так и классическая теория стоимости во главу угла поставила труд, участие которого в создании стоимости всячески отрицали физиократы. Ф. Кенэ, хоть и считается предтечей классической политэкономии, на деле, фактически, отрицал роль труда в производстве стоимости. Это никак не укладывалось в его экономическую позицию. Ведь, если мы эквивалентность обмена признаем аксиомой экономики, то значит, и обмен между рабочими (труд) и работодателями (средства существования) также должен быть у нас эквивалентным. В таком случае, появление прибавочной стоимости в труде выглядит настоящей загадкой.

При жизни Ф. Кенэ количество мануфактур в экономике было еще незначительным, поэтому на рынке почти не встречались товары одной группы с разными издержками производства. Как следствие, Ф. Кенэ и не смог уловить разницу между общественно-необходимым и конкретным трудом. Определив же все виды труда как общественно-полезные, парадоксальным образом, Ф. Кенэ стал защитником того самого неэквивалентного обмена, против которого столь горячо возражал.

Таким образом, отмечает диссертант, для того, чтобы труд стал заметен как создатель стоимости, в очередной раз, должны были измениться условия функционирования стоимости. Вся разница только в том, что раньше таким условием было усиление конкуренции между торговцами, а теперь - между производителями.

Изменение условий воспроизводства стоимости продолжало и в дальнейшем трансформировать саму трудовую теорию. В частности, А. Смит сформулировал ее для объяснения того как работает капиталистическое производство на основе мануфактур. Поэтому труд у него и выступает в

качестве единственной субстанции стоимости. Д. Рикардо же показал, что применение машин порождает в капиталистическом производстве новые закономерности.

Еще до К. Маркса Д. Рикардо пришел к выводу, что в машинном производстве прибыль определяется не величиной примененного капитала, а только величиной примененного оборотного капитала, и зависит не от затраченного «труда», как полагал А. Смит, а лишь от затраченного «рабочего времени». Задолго до К. Маркса Д. Рикардо заметил и то, что экономические интересы рабочего и капиталиста прямо противоположны.

Несмотря на это, упреки в попытках натравить пролетариат на буржуазию адресуются исключительно К. Марксу. И происходит это потому, что К. Маркс стал подлинным завершителем трудовой теории стоимости. Вследствие этого его до сих пор и воспринимают в качестве единственного ответственного за все ее выводы.

К. Маркс показал, что не труд, а превратившаяся в товар рабочая сила определяет сущность способа производства при капитализме. И что сам этот процесс превращения в товар рабочей силы составляет целую эпоху в развитии человечества. Сначала мануфактура, а затем применение машин лишили труд рабочего всякого содержания, превратили его в операцию по приложению простых физиологических усилий. Отторгнутый дороговизной машин от средств труда, не могущий в отличие от ремесленника продать его результаты в качестве отдельной вещи, пролетарий предлагает на рынке единственное, что у него еще осталось – собственную рабочую силу.

По К. Марксу, прибавочная стоимость возникает потому, что капиталист покупает рабочую силу на целый день, а на себя рабочий трудится из этого времени лишь несколько часов, а то и минут. Последующая борьба за установление сначала хоть как-то нормированного, затем 10-ти, а позднее и 8-ми часового рабочего дня на практике подтвердила представления К. Маркса о том, что субстанцией стоимости является не «производительная сила» и не «труд», а «рабочее время». Казалось, его теория в точности отражает действительность. И, тем не менее, еще при жизни К. Маркса в свет вышли программные труды К. Менгера и У. Джевонса, в которых доказывалась несостоятельность марксовской теории стоимости, а в качестве альтернативы предлагалась теория предельной полезности.

В §3 первой главы – **«От трудовой теории стоимости к теории предельной полезности»** – диссертант отмечает, что теория предельной полезности стала очередной революцией в экономике. Ведь маржиналисты в категорической форме отрицали то, на чем держалась теория классической школы в политэкономии. Труд, по их мнению, никоим образом не может быть субстанцией стоимости, так как она измеряется не издержками производства, и не количеством общественно-необходимого рабочего времени, а лишь напряженностью потребностей индивидов.

На взгляд диссертанта, такая разница в оценках объясняется тем, что при жизни К. Маркса и других классиков политэкономии покупатель мог отыскать

на рынке однотипные товары одного, в лучшем случае, двух производителей. Говорить о равноправии покупателей и продавцов в таких условиях не приходится. Стоимость же монопольного товара во все века определялась его продавцами. Именно эти экономические условия и легли в основу трудовой теории стоимости.

Однако, по мере усиления конкуренции производителей, капитализм неизбежно вступал в эпоху интенсивного развития, а рынок стал насыщаться однотипными товарами. При жизни К. Маркса и других классиков товары конкурировали между собой еще как средние экземпляры разных видов труда. В новых же экономических условиях товары стали конкурировать между собой уже как разновидности одних и тех же видов труда. В конце концов, потребитель оказался перед проблемой выбора «своей вещи» из массы противостоящих ему на рынке однотипных товаров. В подобных условиях цены больше уже не могли устанавливаться производителями, которые отталкивались в своих расчетах от издержек производства, - они стали диктоваться практическим выбором потребителей. Отражая эти изменения в экономике, маржиналисты и связали стоимость уже не с отношениями производства, а с отношениями потребления.

Нет сомнений, что процесс насыщения рынка однотипными товарами был довольно длительным. На взгляд диссертанта, этим и объясняется тот факт, что идеи созвучные теории предельной полезности в экономической теории высказывались не раз. В качестве предтеч маржиналистской теории называют философа Э. де Кондильяка, экономиста Ф. Галиани, математика и естествоиспытателя Д. Бернулли и некоторых других авторов. В 1854 году в свет вышла работа Г. Госсена «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил общественной торговли», в которой теория предельной полезности содержалась, практически, в готовом виде, включая и весь ее математический аппарат.

Отражая точку зрения потребителей, теория маржиналистов дала начало новому подходу к рассмотрению проблем стоимости. В структуре стоимости как воспроизводственного отношения на первый план выдвинулись уже отношения потребления. Изменилось и представление о субстанции стоимости. На эту роль маржиналисты предложили понятие «полезности».

Однако, как подчеркивает диссертант, рядовой потребитель принципом «предельной полезности» руководствуется лишь в исключительных случаях. Количество товаров, проданных на аукционе составляет ничтожный процент от числа совершаемых сделок. В обычной же практике нет не то, что аукциона, а даже столь привычного для восточных базаров, торга. В процессе купли-продажи потребитель руководствуется, осознанно или нет, среднерыночными ценами или, можно сказать, универсальной полезностью всех предельных полезностей – деньгами. Вот почему почти на всем протяжении XX века, де-факто или де-юре, в финансовой системе мира господствовал золотой стандарт. А трудовая теория стоимости и теория предельной полезности, пускай и не очень мирно, все же сосуществовали в экономической науке.

Подводя итоги первой главы, диссертант отмечает, что изменения в условиях воспроизводства стоимости совершаются резкими революционными скачками. Этим и были вызваны прошлые кризисы теории стоимости. Возникали новые стоимостные явления, а их пытались втиснуть в старые объяснительные схемы.

Во второй главе диссертации – **«Кризис теории стоимости в концепциях современной экономической мысли»** - рассмотрено то, каким образом изменения отношений стоимости, вызванные научно-технической революцией и информатизацией общества отражаются в теориях постиндустриального общества и его модификаций, а также в концепциях сторонников неомарксистского направления в философии.

В §1 второй главы – **«Стоимость в концепциях «постиндустриального» общества»** – диссертант отмечает, что анализ прошлых кризисов отношений стоимости заставляет критически относиться к любым заявлениям об ее отмирании. По меньшей мере, нельзя исключать того, что и сегодняшнее отрицание стоимости постиндустриальной теорией основывается на прежних методологических ошибках.

Главный тезис Д. Белла, О. Тоффлера, М. Кастельса, В.Л. Иноземцева, А.В. Бузгалина, Ю.В. Яковца и других известных постиндустриальных теоретиков состоит в том, что современная экономика теряет свой товарный характер. Товаров в ней уже производится меньше, чем услуг. Да и создаются они, в основном, не усилиями, так называемых, «синих воротничков», а с помощью знаний и информации. А поскольку товар - это материальный предмет, предназначенный для обмена, а услуга, по определению А. Смита, не материализуется в предметах вовсе, постольку из этого делается вывод о том, что возникающие в современной экономике отношения, не являются товарными, а потому и не могут больше рассматриваться как стоимостные. Возникает какая-то новая экономика, и новый тип общества.

В работах постиндустриальных социологов, философов и экономистов мы встречаем огромное количество фактов и наблюдений, иллюстрирующих «деструкцию» и «диффузию» стоимости, и показывающих ростки новой экономики, которые представляют собой проекции в будущее некоторых действительно существующих тенденций современного общества.

Однако, как подчеркивает диссертант, большая часть сегодняшних экстраполяций может оказаться простой иллюзией. Во-первых, потому что в начале процесса могут проявляться моменты, которые к концу процесса исчезнут вообще. А, во-вторых, потому, что, не обладая какой-либо теорией будущего, хорошая она или плохая, практически невозможно в потоке событий отделить случайное от существенного.

К тому же, как отмечает диссертант, существует значительная группа услуг, которая игнорируется постиндустриальной теорией. Это - услуги, давно изменившие свою экономическую природу. После открытия граммпзаписи (а также других способов сохранения информации) услуги, оказываемые артистами театров, лекторами, певцами, музыкантами и т. д. стали в

буквальном смысле слова «опредмечиваться», превращаясь, таким образом, в настоящие товары.

Шоу давно превратилось в бизнес. Кафе или ресторан – в фабрику еды «Макдоналдс». На смену аптекарскому искусству пришла фармацевтическая промышленность. Это доказывает, что услуги давно и успешно вписались в товарную капиталистическую экономику. По мнению диссертанта, они не только не подрывают, а, наоборот, всячески укрепляют стоимостные основы современного капитализма.

В качестве второго «основного признака» нового общества сторонники постиндустриальной концепции выделяют «теоретические знания». Однако у автора постиндустриальной теории Д. Белла «теоретические знания» в ходе исследования с легкостью превращаются в «интеллектуальную технологию», а затем и вовсе в «замену интуитивных суждений алгоритмами», то есть, фактически, трансформируются в программирование.

Если же рассматривать программирование с социально-экономической точки зрения, то, по мнению диссертанта, придется признать, что, не будучи идеей или материальным предметом, оно также является «услугой» по своей социально-экономической природе. Это же характерно и для продукта программирования или компьютерной программы. Правда, компьютерная программа – это, хоть и «опредмеченная», но, все-таки, не совсем обычная услуга. Ее полезный эффект вовсе не исчезает после ее оказания, как это описывалось А. Смитом.

По сути, компьютерная программа представляет собой «услугу по оказанию услуг». Как в орудии труда опредмечивается «способ воздействия» на внешние объекты, так и в компьютерной программе закрепляется то или иное «полезное действие». Поэтому компьютерная программа является своего рода интеллектуальным «орудием труда». По этой причине она, разумеется, может создавать стоимость, пускай и не в подлинной ее, а в превращенной форме. Если же к этому добавить, что на рынке компьютерная программа, как правило, продается не в качестве программного кода, а в форме чипа или диска, другими словами, в «коробочном варианте» или «товарном виде», то ее стоимостная природа и вовсе не вызывает никаких сомнений.

Сторонники постиндустриальной теории придают огромное значение тому доводу, что сокращение доли физического труда в обществе, фактически, означает и сокращение присутствия стоимости в экономике. Однако, как доказывает диссертант, стоимость может пребывать в ней и в качестве превращенных форм. Поэтому, вопреки утверждениям Д. Белла и его сторонников, такая «интеллектуальная технология» как программирование тоже ничуть не подрывает стоимостные основы современного капитализма. Программирование не только не ведет к «деструкции» и «диффузии» стоимости, но и, в качестве превращенных форм, существенно расширяет ее присутствие в экономике.

Вот почему диссертант склоняется к той точке зрения, что концепция постиндустриализма – это, все-таки, больше идеология, чем наука. Строго

говоря, это прямо следует из текстов самого же Д. Белла. В частности, в работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» он утверждает следующее: «Эта книга — взгляд из двадцать первого века». ¹ Ему вторит автор другого постиндустриального бестселлера - «Мегатренды» - Д. Нейсбит: **«Мы должны учиться у будущего точно так же, как мы когда-то учились у прошлого».** (выделено полужирным шрифтом Д. Нейсбитом – А.А.) ² Но каким же это научным методом Д. Белл и Д. Нейсбит могли знать о том, что будет в двадцать первом веке?!

С точки зрения методологии сказанное постиндустриалистами мало чем отличается от того, что уже до них говорили теоретики научного коммунизма. К. Маркс экстраполировал на будущее тенденции современного ему производства. А «научные коммунисты», исходя из этих экстраполяций, «поправляли» реальные труд и производство в Советском Союзе.

С точки зрения Д. Белла, социальные теории – это не отражение действительности, а всего лишь «концептуальные призмы», или «оси», произвольно накладываемые исследователем на изучаемую действительность. Несмотря на это, он считает возможным утверждать, что в обществе существуют три исторически сложившиеся и независимые подсистемы: технико-экономическая, политическая и культурная. Но, спрашивается, почему же именно эти три?! Может быть другой философ выделит здесь пять, десять, а то и большее количество подсистем.

В ряду подобных «концептуальных постулатов» у Д. Белла оказывается и собственность. В книге «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» Д. Белл пишет о том, что: «...*собственность сегодня представляет собой просто юридическую фикцию*» (выделено курсивом Д. Беллом – А.А.). ³ Между тем, даже в условиях современной экономики фирмы не могут существовать без обменных отношений с контрагентами, и Д. Белл, разумеется, нисколько не отрицает эту очевидность. Однако при этом он не замечает, что любой акт обмена был бы невозможен, если бы контрагенты не признавали друг в друге частных собственников. Даже «насыщенная знанием» фирма не может обойтись без проверки «юридической чистоты» совершаемых сделок, суть которой состоит в том, чтобы убедиться, что совершающий сделку контрагент, действительно, является частным собственником отчуждаемого товара. А то, что обмен, частная собственность и стоимость являются нераздельными, хорошо понимал еще А. Смит, на которого Д. Белл опирается во всех остальных случаях.

¹ Белл Д. Предисловие к изданию 1973 года, С. CLXIV-CLXX. // Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. CLXVI.

² Нейсбит Джон. Мегатренды. М., 2003. С. 32.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 397.

Таким образом, завершает главу диссертант, утверждения сторонников постиндустриальной концепции о том, что стоимость в современной экономике исчезает потому, что труд программиста в ней возобладал над трудом «синих воротничков», или же услуги над товаром, - фактически, основываются лишь на том, что не учитывается функционирование стоимости также и в качестве превращенных форм.

В §2 второй главы – **«Стоимость в концепциях «информационного» общества»** - диссертант отмечает, что почти одновременно с появлением теории постиндустриального общества из его сторонников выделилась группа ученых, признающих источником социальных изменений информацию. Это Ф. Махлуп, М. Порат и П. Дракер, Й. Масуда, Ф. Уэбстер, К. Эрроу и другие философы, социологи и экономисты. Большой вклад в становление концепции информационного общества внесли также такие отечественные ученые, как И.Ю. Алексеева, А.И. Демин, С.А. Дятлов, И.С. Мелюхин, А.А. Чернов и другие исследователи.

В частности, глава японского Института информационного общества Й. Масуда в своей книге с говорящим названием «Информационное общество как постиндустриальное общество» отмечал, что: «В отличие от неопределенного термина «постиндустриальное общество», термин «информационное общество» лучше описывает в конкретных понятиях характеристики и структуру будущего общества. Основанием для такого утверждения является производство информационных, а не материальных стоимостей, которое становится для общественного развития основной движущей силой».¹

Диссертант обращает внимание на то, что Й. Масуда здесь говорит об «информационной стоимости» так, как будто она представляет собой нечто определенное. А между тем, к неопределенности, связанной со словом «стоимость», о которой писал еще Д. Рикардо, здесь добавилась неопределенность того, что такое «информация».

Одни рассматривают информацию в качестве фундаментальной характеристики материи. Другие понимают под информацией просто набор любых сведений. Кажется, что во всех этих случаях информация слишком далека от экономики. И, тем не менее, принято считать, что основы информационной теории стоимости были созданы Нобелевским лауреатом по экономике (за 1972 год) К. Эрроу.

Однако, при ближайшем рассмотрении, это утверждение, как считает диссертант, фактически, является неверным. К. Эрроу, действительно, изучил рынок медицинских услуг, страховой и некоторые другие, и пришел к выводу, что экономические агенты на них ориентируются не только на рыночные цены, но и определяют свое поведение в зависимости от наличия информации о фак-

¹ Masuda Y. The information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981. P. 29.

торах, которые, не являясь экономическими, тем не менее, помогают, уменьшить неопределенность и, тем самым, способствуют выработке оптимальных рыночных решений.

В то же время, сам К. Эрроу в статье «Информация и организация в промышленности» пишет о том, что информация плохо подходит для того, чтобы на ее основе выстраивать информационную теорию стоимости. Прежде всего потому, что «... никто не проводит обмен товарами пропорционально объему воплощенной в них информации». А, кроме того, потому что «... на самом деле товары с высоким информационным содержанием должны были бы быть очень недорогими, поскольку информация может быть воспроизведена при небольших затратах, даже если начальные издержки ее производства и были значительными...»¹

Фактически, К. Эрроу доказал, что информационная теория стоимости не сможет обеспечивать регулирование постиндустриальной экономики. Ведь если затраты на производство информации будут превышать затраты на ее тиражирование, то очевидно и то, что предприниматели будут «иметь тенденцию недоинвестировать в исследования...» А если уж «экономика, основанная на знаниях» станет отвергать науку, то кто же тогда будет развивать ее?!

И, все-таки, вслед за Д. Беллом, в статье «Информация и экономическое поведение» К. Эрроу признает, что в новой экономике «... информация (или сигнал) является товаром, имеющим стоимость...»,² а значит и у них, в роли превращенной формы, информация не покидает пределов классической теории стоимости.

Однако, наряду с этим, имеются и альтернативные теории информационного общества, которые основываются не на представлениях об информации как о товаре, а наоборот, - о товаре как о воплощенной информации. Такой точки зрения, например, придерживаются английский экономист Т. Стоуньер, а также отечественные исследователи - К.К. Вальтух и Д.Г. Егоров.

Между тем, экономика, как бы по-разному ее не понимали, - это, в конечном счете, соотношение затрат и результатов в человеческой деятельности. А если труд, земля, капитал и прочее - это овеществленная информация, то каким же образом следует измерять их? Получается, что это надо делать в битах?! Однако до сих пор ни один из философов не согласился с такой постановкой вопроса. По мнению диссертанта, это еще раз доказывает, что на сегодняшний день вопрос об информационной природе товара, в лучшем случае, может рассматриваться как смелая гипотеза.

¹ Arrow K.J. Information and the Organization of Industry, P. 19-25. // Markets, Information and Uncertainty. Essays in Economic Theory in Honor of Kenneth Joseph Arrow. New York, 2008. P. 19.

² Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 98-107.

В §3 второй главы – «Стоимость в концепциях «общества знания» – диссертант отмечает, что многие теоретики уже осознали трудности с информацией как основой постиндустриального общества. Поэтому сейчас уже принято говорить о такой его модификации, как «общество знаний».

Объединяющим началом для сторонников этой концепции является уверенность в том, что знания не потребляются и не расходуются, так как они являются «общественным продуктом». Однако в диссертации показано, что, если бы свободное распространение знаний, приносящих прибыль и, впрямь, ни для кого не означало потерю, то сами собой исчезли бы такие понятия как «секрет фирмы», «промышленный шпионаж», «коммерческая тайна» и т. п. А поскольку расходы на информационную безопасность увеличиваются в мире с каждым годом, - постольку, очевидно, что всякого рода декларации о «неисчерпаемости» знаний в новейшей экономике попросту не соответствуют действительности.

Д. Белл пишет о том, что знание, воплощаясь в товар, может увеличивать его стоимость двумя путями: либо «за счет сбережения капитала», либо за счет приложения «... к процессу производства идей и инноваций». Между тем, как отмечает диссертант, «сбережение капитала», «снижение себестоимости», «увеличение объемов производства» и «повышение эффективности», о которых пишет Д. Белл, рассматривались еще К. Марксом. Что же, в таком случае, в них от «новой экономики»? Да и тот факт, что компании с помощью новаторских решений на какое-то время получают, по выражению Ю.В. Яковца, «технологическую (инновационную) квази ренту» также не содержит в себе ничего, что отличало бы формы прежнего производства от «экономики знаний».

Теоретики «новой экономики» стремятся доказать, что продукты, в которых содержится больше знаний являются и более стоящими. Между тем, не всякий, а только общественно-необходимый труд, воплощаясь в товар, увеличивает его стоимость. То же самое следует сказать и о знании. Сколько бы новых знаний мы не воплощали в товар, если его не будут покупать, - он не будет иметь никакой стоимости. Выходит, что, фактически, «экономика знаний» вовсе не выводит нас за пределы стоимостных отношений.

Несмотря на это, принято считать, что японский экономист Т. Сакайя предложил такую теорию «стоимости, созданной знанием», которая не просто отрицает классическую трудовую теорию, но и лежит в основе новейшей экономики, адекватно отражая ее. Однако, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что Т. Сакайя всего лишь обратил внимание на то, что стоимость брендовых вещей, практически, не зависит от издержек на их производство. Именно это и дает основание теоретикам «экономики знаний» говорить о том, что в современной экономике закон стоимости не работает.

По мнению Т. Сакайя, созданная знанием стоимость, возникает в тех случаях, когда потребителю удастся «навязать представления» о том, что брендовая вещь «является результатом новых технологий», или обладает «уникальными функциями» или, в конце концов, «представляет собой

последний крик моды» и т.п. А поскольку «навязыванием представлений» потребителю занимается реклама, постольку Т. Сакайя и приходит к закономерному выводу, что именно она «...расширяет объем созданной знанием стоимости».

Между тем, как отмечает диссертант, стоимость брендов, описанная Т. Сакайя, фактически, образуется не знанием, а нарочито созданной редкостью или монополией. Поэтому, строго говоря, Т. Сакайя вообще не имел здесь права употреблять термин «стоимость». Ведь даже сами сторонники новой экономики говорят о том, что применяющий знания труд невозможно измерить количественно. А, следовательно, знания вообще не могут создавать стоимость. И, тем не менее, на практике они ее все равно каким-то образом производят.

И происходит это, по мнению диссертанта, с помощью той самой классической теории стоимости, которую сторонники «экономики знаний» всячески отрицают на словах. Ведь если любая брендовая вещь в обмене, вдруг, получит прибавочную цену по сравнению с однотипными товарами, то в качестве формы стоимости, последняя автоматически придаст и знаниям, в принципе невозможное для них, стоимостное измерение. Поэтому можно вполне согласиться с Д.Л. Рыжковым, констатировавшим в своей статье «Превращение стоимости в системе общественного обмена как проявление социального неравенства» тот факт, что «Стоимость, порожденная знанием, о которой повествует Т. Сакайя, являет собой типичный пример превращенной формы стоимости...»¹

А поскольку «стоимость, созданная знанием», о которой пишет Т. Сакайя, - это всего лишь превращенная форма, постольку, очевидно, что всякие попытки противопоставить ее трудовой теории стоимости представляют собой явное заблуждение.

В §4 второй главы – **«Неомарксистские концепции стоимости»** – изучаются те направления марксистской мысли, которые представляют собой новаторское прочтение теории стоимости. Одной из таких неомарксистских попыток стала теория, которая во главу угла ставит уже не меновую, а потребительную стоимость.

Авторы этой концепции утверждают, что потребительная стоимость и стоимость, в качестве диалектических противоположностей, при современном уровне обобществления производства уже настолько проникли друг в друга, что следует признать, что каждая из них есть, в то же самое время, и другая. На основании этого тождества, авторы потребительно-стоимостной концепции стремятся доказать, что потребительная стоимость также может быть мерой затраченного труда. Ведь и конкретный труд является трудом общественным. А, следовательно, он также может выполнять функции абстрактного труда. К примеру, в книге «К новой парадигме социально-экономического развития и

¹ Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28) в 2-х ч. Ч. II. С. 161.

познания общества» В.Я. Ельмеев пишет следующее: «Если затраты труда, созидającego стоимость, можно свести к единому, одинаковому затраченному труду, то это можно сделать и по отношению к результатам труда, составляющим потребительную стоимость. Этим же результатом будут столь же необходимые обществу высвобождение труда, его экономия...»¹ Эту же позицию разделяет Л.А. Лебединцева, Т.Б. Малинина и масса других философов и экономистов.

Однако, по мнению диссертанта, если мы станем измерять «экономиию труда» тем же самым «количеством рабочего времени», то из этого следует, что мерой общественной полезности труда у нас, по-прежнему, остается все та же стоимость, только на этот раз отрицательно выраженная.

Авторы потребительно-стоимостной концепции предлагают вернуться к истокам человеческого общежития – «обмену потребительных стоимостей» непосредственно. Однако реальная практика продуктообмена, к примеру, «Обменных банков, действующих на основе справедливости» Р. Оуэна, по мнению диссертанта, наглядно показала, что его возможности ограничены. К тому же современная экономика и в количественном, и в качественном отношении давно ушла от той, что довольствовалась когда-то натуральным обменом.

Заметной популярностью среди неомарксистов в последние годы пользуется также и попытка осмыслить изменения в современной экономике с помощью концепции замены труда творчеством. Один из наиболее известных ее сторонников - В.Л. Иноземцев, например, считает, что человеческая деятельность представляет собой две обособленные сферы: находящийся под гнетом материальных потребностей труд, и свободное от всякого утилитарного принуждения творчество. Никакие переходные формы «между трудом и творчеством» невозможны. И лишь потому, что «творчество не есть труд», а промежуточных форм между ними никаких, - всякое возрастание творчества означает одновременное умаление труда и неразрывно с ним связанной стоимости.

При этом творчество В.Л. Иноземцев отождествляет с деятельностью, «мотивированной надутилитарным образом», с активностью, которая для человека «представляется самоцелью». «Вещный результат» для творца – всего лишь «побочный эффект». Другой чертой творчества, считает В.Л. Иноземцев, является то, что продукты его, по сути, оказываются «невоспроизводимыми».

Однако, вопреки этим утверждениям, отмечает диссертант, вся мировая промышленность только тем и занята, что день и ночь воспроизводит полученные творцами результаты. Если бы продукты творчества, впрямь, были уникальными настолько, что их невозможно было бы воспроизвести, то любые рассуждения об инновациях были бы попросту бессмысленными.

¹ Ельмеев В.Я. К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества. Санкт-Петербург, 1999. С. 29.

В.Л. Иноземцев противопоставляет творческий продукт труду и стоимости. А между тем, как отмечает диссертант, каким бы уникальным и неповторимым не был творческий продукт, - если он становится предметом обмена, - он неизбежно попадает в пределы стоимостных отношений.

В.Л. Иноземцев пишет о том, что постэкономическое общество заменит сегодняшнее не сразу, что в пределах общественного хозяйства долгое время будут встречаться и простые товары, и неповторимые творческие продукты. Однако, он, к сожалению, обходит вниманием вопрос о том, каким же образом будет осуществляться взаимодействие в подобном хозяйстве? Если это будет делаться с помощью обмена, а других вариантов никто не предлагает, то, очевидно, что любой несоизмеримости придет конец. В итоге обмена творческий продукт вместе с ценой получит и форму стоимости. А после этого отношения между трудом и творчеством автоматически перестанут быть разнородными и превратятся в различие между простым и сложным трудом.

В конце концов, с этим вынужден согласиться и сам В.Л. Иноземцев. В своей книге «Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции» он признает, что «Продукты творческой деятельности также вовлекаются в круг товарного обращения и, несмотря на то что они не созданы трудом, а зачастую являются даже лимитированными, обретают стоимостную оценку». ¹ Правда, при этом В.Л. Иноземцев полагает, что ситуация изменится тогда, когда львиная доля «обращающихся в обществе благ» окажется «продуктами творческой деятельности». Однако, другие сторонники креативной революции не разделяют этого оптимизма, и признают, что во все времена человеческая деятельность будет включать в себя как репродуктивный, так и творческий момент.

Завершая анализ того, каким образом кризис отношений стоимости отражается в концепциях современной экономической мысли, в конце второй главы, диссертант приходит к выводу, что в теориях постиндустриального общества и его модификаций, а также в концепциях неомарксистов речь идет об отмирании стоимости потому, что ее функционирование в качестве превращенных форм просто на замечается. И это значительно обедняет и искажает картину современной экономической жизни. Новые формы стоимости рассматриваются в рамках альтернативных теорий. А сама теория стоимости, вместо того, чтобы быть развитой, отбрасывается.

А между тем, развитие теории стоимости в настоящий момент, по мнению диссертанта, не может осуществляться иначе, чем с помощью анализа ее превращенных форм.

Третья глава диссертации – **«Стоимость в интенсивно развивающейся экономике»** как раз и посвящена рассмотрению трансформации отношений стоимости в условиях современной экономики, и анализу ее превращенных

¹ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999. С. 53.

форм.

Нынешний кризис отношений стоимости, по мнению диссертанта, в первую очередь, связан с тем, что в мире развивается процесс интенсификации экономики. Если раньше, например, тот факт, что Америка и Япония производят автомобили и компьютеры был чреват конфликтом интересов настолько серьезным, что торговые войны вполне могли перерасти в реальные, то с переходом капитализма к преимущественно интенсивному способу ведения хозяйства товарный рынок стал многослойным. Появились линейки товаров с самыми разнообразными потребительскими свойствами. Именно поэтому сегодня мы наблюдаем парадокс, который был бы невозможен в условиях экстенсивной экономики: и Америка, и Япония одновременно продают друг другу как автомобили, так и компьютеры.

Постоянное увеличение групп однотипных товаров с приблизительно одинаковыми свойствами означает, что в новых экономических условиях стоимость каким-то образом должна сравнивать товары также и по степени их качества. Между тем, стоимость классической политэкономии делать этого в принципе не может. Можно сказать, что в этом и заключается главное противоречие современной теории стоимости, которое, так или иначе, было зафиксировано всеми научными концепциями, проанализированными во второй главе. И именно поэтому постиндустриальные и неомарксистские теоретики пришли к выводу о том, что время стоимости прошло, и она постепенно утрачивает свое влияние в экономике.

Однако принятая в диссертации методология говорит о том, что, если мы не знаем причин возникновения стоимости, – нам затруднительно будет определить также и условия ее отмирания. Таким образом, сама логика исследования подталкивает диссертанта к тому, чтобы обратиться к проблеме возникновения отношений стоимости, что он и делает в §1 третьей главы – **«Стоимость как воспроизводственное отношение».**

Прежде всего диссертант констатирует, что, несмотря на написанные о стоимости тома, вопрос о ее происхождении в современной социальной философии, по-прежнему, остается дискуссионным. А. Смит выводил разделение труда и стоимость из склонности людей к обмену. К. Маркс в своей совместной работе с Ф. Энгельсом «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков» обратил внимание на то, что «... разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом - по отношению к продукту деятельности».¹ Поэтому устранить стоимость можно лишь, устранив частную

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3, С. 31.

собственность и разделение труда, которое порождает обмен.

С точки зрения римского права, частная собственность определяется как исключительное, монопольное владение. Дословно, как «*jus utendi et abutendi re sua*» («право употребления и злоупотребления своими вещами»). Однако в первобытном обществе, на правах поочередного владения, все принадлежало всем. Поэтому там не было, и даже не могло быть частной собственности. И, тем не менее, к концу первобытной эпохи труд и его продукты оказались общественно закреплены за разными индивидами, а его общественная полезность стала устанавливаться в процессе обмена. В своих работах К. Маркс лишь констатирует, что это некогда произошло, но мы не найдем у него никаких указаний на то, - почему это случилось.

А не объясняет этого К. Маркс, по мнению диссертанта, потому, что он разделял все положения трудовой теории стоимости. С точки же зрения ее первооткрывателя - Дж. Локка - именно труд является тем общественным механизмом, который вырывает вещи из общего владения и делает их частной собственностью. Дж. Локк опирался при этом на опыт колонизации Америки, где, и в самом деле, ничейные земли делались частной собственностью в результате приложения к ним труда. При жизни К. Маркса то же самое можно было наблюдать в Австралии.

Однако в первобытном обществе действовали совсем иные общественные законы. Там любые продукты, чьим бы трудом они не были произведены, изначально принадлежали всему обществу. А, следовательно, в первобытном обществе должен был действовать и какой-то другой общественный механизм, превращавший общее в частное.

С точки зрения диссертанта, таким общественным механизмом было постепенное повышение степени качества общественно-необходимого труда. В первобытном обществе, где все по очереди выполняли те же самые трудовые операции, в скором времени должна была обнаружиться разница в природной одаренности людей. Если К. Маркс, характеризуя труд в эпоху стоимости, мог «оставить в стороне различие природных особенностей и приобретенных производственных навыков различных людей», так как машины уничтожают всякую тень качественных отличий в продуктах труда, то применительно к первобытному обществу это было бы ошибкой.

В эпоху стоимости мы вспоминаем о личности изготовителя только в случае, так называемого, «брака», то есть тогда, когда товары начинают вести себя так, как будто они не являются средними экземплярами своего рода. В первобытном же обществе, когда сравнивались еще не разные виды труда, а внутри каждого вида отдельные его разновидности, сравнению подлежало еще не количество, а разные степени качества труда, воплощенного в продукт.

В первобытном обществе индивиды, как правило, работали на глазах друг у друга, поэтому было трудно скрыть, что конкретный вид работ кому-то удавался лучше. По этой причине марксовой свободе «перемены труда» должна была положить конец простая общественная целесообразность. Естественным путем в обществе стали появляться «умельцы». И мы видим, что

в древнейших обществах статус «социального института» приобрели такие важные для групп функции как «вождь» или «жрец» (который был одновременно и «ведуном», и «знахарем»). Позднее, к ним добавилась фигура «кузнеца»).

К. Маркс не придавал значения тому, что естественным путем из первобытного общества выросло вовсе не классовое, а именно кастовое общество. Ведь это лишь на первых порах орудия труда были технически общедоступны, что, собственно, и обеспечивало им положение предметов общего пользования. Постоянное закрепление каких-либо функций за наиболее талантливыми людьми вело к тому, что даже теми же самыми орудиями труда, они начинали пользоваться с той степенью виртуозности, которая была недоступна другим членам общества.

То же самое мы наблюдаем и теперь. Практически все жители сельской местности могут работать с топором. Однако, если понадобится выполнить работу высшей квалификации, скажем, «поднять» заваливающийся от времени дом, то приходится обращаться либо к местным «умельцам», либо к профессиональным плотникам. Именно этот процесс постепенного исключения членов общества из круга реального, а не потенциального владения предметами и орудиями, вследствие неуклонного повышения общественно-необходимого качества труда, в конце концов, и привел к закреплению профессий, а значит и продуктов труда, создаваемых этими профессиями, за конкретными индивидами. Следствием этого стало появление в первобытном обществе частной собственности и обмена.

Вторым важным фактором, открывшим дорогу стоимости, можно считать появление земледелия. Разница в качестве зерен здесь проявляется уже не так ощутимо, как разница в их количестве. Эта вот одинаковость продуктов труда в дальнейшем и проложит путь упрочению отношений стоимости, что, в конце концов, сделает их измерение по степени качества попросту невозможным. Окончательное же торжество отношений стоимости наступает лишь тогда, когда, по словам К. Маркса, исчезает «полуартистический характер» труда производителей машин, и машины начинают изготавливаться самими машинами.

Соответственно этому для отмирания отношений стоимости, описанный выше, процесс должен обратиться в другую сторону. И, следует признать, что и теоретики постиндустриального общества, и неомарксисты адекватно отразили начало этого процесса. Внешним образом, условия сравнения продуктов труда по степени качества из-за обилия однотипных товаров как будто возвращаются. И все-таки сходство - еще не означает - тождество. В отличие от условий первобытного общества, сейчас есть обмен и частная собственность. Поэтому, до тех пор, пока они остаются, стоимость просто не может исчезнуть, она будет по-прежнему воспроизводиться, - все в новых и новых превращенных формах.

Между тем, в §2 третьей главы – **«Актуальность превращенных форм»** – диссертант отмечает, что само обращение к превращенным формам стоимости в наши дни стало нуждаться в обосновании. Часто им вообще

отказывают в статусе научности. Так, например, известный английский экономист М. Блауг сравнил попытку К. Маркса с помощью превращенных форм «пробиться к сущности дела» с «искусным жонглёрством», «посредством которого оказалось одураченным не одно поколение читателей». В то же время описание искаженных форм социальной и экономической жизни с помощью термина «симулякр», предложенное французским социологом Ж. Бодрийяром, почему-то никакого методологического отторжения не вызывает.

Порой превращенным формам стоимости отказывают в праве на существование и отечественные исследователи. В частности, в статье «О предпосылках использования К. Марксом концепта «превращенная форма» при описании экономических феноменов» С.В. Рыбаченко пишет о том, что «...наивная трактовка *чисто* (выделено курсивом С.В. Рыбаченко – А.А.) объективного характера феномена превращенной формы должна быть оставлена». ¹ Однако, очевидно, что любая наука, а не только социальная философия не может обойтись без «превращенных форм». Как точно выразил в «Капитале» эту мысль К. Маркс: «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» ²

С.В. Рыбаченко отвергает «превращенные формы» потому, что считает их произвольным «концептом», наподобие тех, которыми оперировал Д. Белл. На самом деле, превращенные формы – это не превратное восприятие тех или иных исследователей, а адекватное отражение превращений, которые претерпевает сама действительность. Больше того. В обыденной жизни превращенные формы для нас реальнее любой объективной истины. Мы, например, независимо от открытий Н. Коперника, живем по тому солнцу, которое всходит и заходит. И то же самое происходит в экономике, и в любых других сферах общественной жизни. Для хозяйствующих субъектов превращенные формы намного реальнее действительных форм экономической жизни, как бы они ее при этом не искажали. Именно потому, что развивающаяся действительность превращается в свое-иное, и нужен метод превращенных форм.

К. Марксу принадлежит честь открытия, так называемого, в социальной философии «метода оборачивания», когда в ходе развития сложных систем причины и следствия меняются своими местами. К. Маркс продемонстрировал это на примере своей знаменитой формулы «товар-деньги-товар». Однако заслугой советских философов – Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, В.В. Орлова, М.М. Розенталя и других стало признание того, что подобное предложение, считать «оборачивание процессов» одним из законов диалектики. И хотя, оно в ходе дискуссии было, в конце концов, отвергнуто,

¹ Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Философия. Социология». 2009. №12/09. С. 46.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга третья: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX-LII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II, С. 384.

все-таки, обсуждение вполне продемонстрировало глубину и универсальность этого философского метода.

Во всяком случае, без учета функционирования превращенных форм стоимости, по мнению диссертанта, просто невозможно объяснить логику развития современной экономики. Если, например, раньше услуги регулировались докапиталистическими законами экономики, то в наши дни, сделав их производство своим внутренним процессом, капитализм подчинил услуги закону стоимости, и в качестве превращенных форм включил в общую товарную массу. То же самое происходит сейчас и с «идеями».

Постиндустриальные теоретики и неомарксисты пишут о том, что товарное производство изживает себя, что стоимость подвергается диффузии и деструкции. Однако при этом они не учитывают превращений, которые приключились с самим товаром, с тех пор как он стал не внешним, а внутренним элементом капиталистической системы. Тем самым, они повторяют старую методологическую ошибку Е. Бём-Баверка, который критиковал К. Маркса за то, что, развивая свою теорию стоимости, он намного облегчил себе задачу, исключив из нее продукты природы, которые образуются без помощи всякого труда.

Однако К. Маркс изучал общество вполне определенного исторического типа – капиталистическое. А в нем продукты природы давно уже получили в обмене превращенную форму товаров. Ведь всякий товар – это уже не просто благо, а благо, выявляемое в обмене. Как отмечает диссертант, то, что товары представляют собой превращенную форму благ доказывается тем, что товарами могут быть и вообще не блага – яды, например.

Подобный антиисторический подход мешает постиндустриальным и неомарксистским теоретикам увидеть очевидное. На самом деле, в марксовой формуле: $T - D - T^1 \dots - D - T - D^1$ метаморфоза происходит не только с деньгами, но также и с товаром. Характеризуя первую часть формулы, отражающую товарный обмен, совершавшийся еще до рамок капиталистической системы, К. Маркс отмечал, что здесь экономическую роль играет лишь количество воплощенного в товары абстрактного труда, а вовсе не их потребительские качества, которые могут интересовать разве что одних товароведов. Диссертант отмечает, что, характеризуя вторую часть формулы, отражающую товарный обмен, совершающийся уже в рамках современного капитализма, следует признать, что экономическую роль здесь играет лишь способность товара быть «обмениваемым», а количество реально вложенного в него абстрактного труда, то есть его подлинно стоимостные качества, могут интересовать разве что одних постиндустриальных теоретиков и неомарксистов.

Если раньше продукт труда должен был обладать потребительскими качествами для того, чтобы обрести свойство обмениваемости, то в наши дни уже, наоборот, все, что обладает свойством обмениваемости автоматически становится также и предметом потребления, будь то – услуги, идеи, риски, долги и т.п. Следовательно, вместо того, чтобы пристально всматриваться в то,

каким образом создаются товары в наши дни – трудом ли, творчеством, а может быть знанием, - и делать из этого далеко идущие выводы о деструкции стоимости и перерождении капитализма, постиндустриальным теоретикам и неомарксистам следовало бы доказывать, что деструкции подвергается сам обмен.

В §3 третьей главы – **«Организационная форма прибавочной стоимости»** – диссертант обращает внимание на то, что труд - не является единственным источником увеличения стоимости, как на этом настаивали классики, включая и К. Маркса. Физиократы говорили о производительности земли. Ж.Б. Сэй называл производительными землю, труд и капитал. П.Ж. Прудон в книге «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти», наоборот, писал о том, что «... ни земля, ни труд, ни капиталы непроизводительны. Производство является результатом этих трех одинаково необходимых элементов, которые, взятые порознь, одинаково бесплодны». ¹ В 1890 году А. Маршалл добавил к перечисленным выше новый фактор создания стоимости – организацию, хотя и не развил в подробностях эту идею.

Это выпало на долю советского марксиста А.А. Богданова, решавшего задачи создания общей теории организации. Именно А.А. Богданов в своей работе «Всеобщая организационная наука (Тектология)» обнаружил парадоксальную ситуацию, что два, три, четыре работника могут выполнять совместно как более, так и менее чем двойную, тройную и четверную работу. По его словам: «Оба случая всецело зависят от способа сочетания данных сил. В первом случае вполне законно утверждение, что целое оказалось *практически больше* (курсивом выделено А.А. Богдановым – А.А.) простой суммы своих частей, во втором – что оно практически ее меньше». ² На первый взгляд, - писал А.А. Богданов, - «здесь получается какое-то создание из ничего». Однако эффект этот легко объясним, если представить себе, что каждый индивид, работающий в коллективе, обладает определенно направленной активностью, которая наталкивается на то или иное сопротивление. Общая сумма этих активностей-сопротивлений определяется их взаимодействием.

А.А. Богданов был первопроходцем и потому формулировал законы организационной науки лишь в самом их общем виде. Поэтому ему пришлось учитывать наличие активностей-сопротивлений также и внутри индивидов. При решении же задач производства стоимости, на взгляд диссертанта, в этом нет никакой необходимости. Ведь с точки зрения производства любых товаров неважно, каким именно является внутреннее состояние рабочего. Не будет внешней активности – не будет и товара. Вот почему в данном случае точнее

¹ Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998. С. 118.

² Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Часть I. М.-Л., 1925. С. 114.

говорить не об «аналитических суммах» «активностей-сопротивлений», включая и внутренние, как это делает А.А. Богданов, а о векторном сложении внешним образом выраженных сил и их равнодействующей.

В эпоху господства марксистской идеологии работы А.А. Богданова, в лучшем случае, воспринимались как добросовестное заблуждение. Во всяком случае, с теорией стоимости их тогда никто, в том числе и сам А.А. Богданов, не связывал, поскольку они прямо противоречили взглядам К. Маркса. Ведь К. Маркс, как и все буржуазные экономисты до него, всегда рассматривал капиталистическое производство в качестве атомистического. Всюду совместно применяемый труд он рассматривал как арифметическую сумму затраченных индивидуальных усилий. «... с точки зрения производства стоимости, - писал в «Капитале» К. Маркс, - совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала».¹

По К. Марксу, труд всегда измеряется скалярной величиной. А, между тем, будучи направленным воздействием, труд, несомненно, обладает также и векторным измерением. Векторное же сложение сил может, и иногда, действительно, дает «резонансную» прибавочную силу. К примеру, молекулу кислорода в химии принято обозначать O_2 , поскольку валентность кислорода всегда равна 2. Однако, вопреки этому, молекула озона состоит из трех атомов кислорода - O_3 . И эта дополнительная «кислородность» озона кажется очевидным нарушением законов природы. А между тем, с помощью нестандартного соединения атомов кислорода (три атома образуют кольцо!!), оказывается возможным и закон валентности не нарушить и обеспечить «прибавочную» кислородность формулы.

Точно так же – за счет другой формы соединения рабочих образуется и чисто организационная прибавочность их совместного труда. Причем здесь идет речь не о повышении интенсивности, или же изменении качества труда, а всего лишь о форме соединения того же самого, общественно-нормального или созидającego стоимости труда. Именно этот источник прибавочной стоимости выявил в практике западный менеджмент. И, надо признать, что советская политэкономия долго игнорировала достижения менеджмента лишь потому, что эта интенсивная, по сути, форма извлечения прибавочной стоимости, внешним образом, отрицала марксову теорию стоимости.

К. Маркс всегда рассматривал труд как целесообразную деятельность. И труд индивидуальный или атомистический, в самом деле, является таковым. Но как только люди начинают действовать сообща, сразу выясняется, что их усилия могут быть и разнонаправленными. Векторность и целесообразность совпадают лишь в труде одиночки. В коллективном же труде эффект от сложения сил может оказаться и отрицательным, и нулевым, - ведь здесь мы

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга первая: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 333-334.

имеем не сумму скалярных величин, а равнодействующую векторных усилий.

В «Капитале» К. Маркс во всех случаях рассматривал органическое строение капитала ($c + v$) как усредненное. Не вникал К. Маркс при этом и во внутреннее строение переменного капитала. Переменный капитал в формулах К. Маркса всегда фигурировал в качестве цельной величины. А между тем, за $V = 1$, замечаем мы это или нет, скрывается внутреннее соотношение 50 : 50. Таким образом, фактически, К. Маркс всюду рассматривал организационное состояние коллективов также как усредненное.

Однако в одних коллективах лишь 30 процентов работников нацелены на общий успех, в других - это соотношение может составлять и 60/40, 20/80, 35/65 и т.д. В условиях экстенсивного развития капитализма разница эта, практически, не могла быть заметной. Однако все изменяется с появлением интенсивной экономики. Борьба за преимущество на рынках заставила менеджеров обратить внимание и на то, что у них делается внутри коллективов.

Диссертант отмечает, что векторное сложение полезных эффектов в труде дает организационную прибавку не в добавочное, а в то же самое рабочее время. И эта дополнительная прибавка с лихвой может перекрыть затраты капиталистов на оплату по рыночной стоимости полного рабочего времени всех участников трудового процесса. Надо только найти оптимальную форму соединения рабочих друг с другом и со средствами производства, и просчитать ее организационные последствия. Поиск таких предпринимательских идей во все времена и был сутью бизнеса. А в наши дни предпринимательские идеи (их называют еще «бизнес-модели») уже продаются и сдаются в аренду наподобие обычных товаров (в форме франчайзинга, например).

К. Маркс считал, что «... общественная производительная сила труда /.../ возникает из самой кооперации». Между тем, «производительная сила общественного труда», будучи равнодействующей усилий всех работников, не возникает автоматически в том виде, в каком это нужно капиталисту. Наоборот, сама эта форма кооперации материализуется из желания капиталиста овладеть будущей общественной производительной силой труда и присвоить ее результаты. Целью любого капиталиста является извлечение наибольшей прибавочной стоимости, поэтому и задуманная форма кооперации представляет собой лишь форму ее получения.

Конечно, в случаях, когда для создания прибавочной стоимости можно использовать абсолютную и относительную формы, описанные К. Марксом, вряд ли кто-то станет использовать такую причудливую модель кооперации, которая бы предусматривала полную оплату рабочего времени всех пролетариев по рыночной цене. Лишь там, где конкуренция возрастает настолько, что вызывает к жизни интенсивные формы ведения бизнеса, - только там организационная форма прибавочной стоимости, обнаруживает себя внешним образом. Поэтому ее значение в практике капитализма едва ли стоит преувеличивать. Однако в области социальной философии

организационная форма прибавочной стоимости может пролить свет на некоторые спорные вопросы функционирования современного общества.

Во-первых, по мнению диссертанта, с помощью «организационной» формы прибавочной стоимости с капиталистов, наконец, снимается клеймо мошенников, которые только и думают о том, как бы не доплатить рабочему. В то же время, организационная форма прибавочной стоимости не отрицает и сам факт эксплуатации. Ведь, очевидно, что капитал как общественное отношение – это, фактически, присвоенная организационная прибавочная стоимость, которая, по самой природе вещей, не может быть частной собственностью отдельного человека.

Во-вторых, с помощью организационной формы прибавочной стоимости можно объяснить, почему в наши дни такое распространение получил, так называемый, аутсорсинг, суть которого состоит в передаче сторонним организациям части выполняемых фирмой функций. Экономически аутсорсинг, как правило, объясняют тем, что узкие сторонние специалисты могут лучше выполнить привычные для них услуги. Однако, с точки зрения социальной философии, этот довод не лишен лукавства. Можно подумать, что до них в штате фирм работали одни не специалисты. А преданность делу своей организации, готовность ради нее идти на жертвы, легко уравнивает разницу. Подлинное же объяснение аутсорсинга, на взгляд диссертанта, состоит в том, что работники сторонних организаций уже не смогут претендовать на заработную плату официальных членов коллектива, создающих «организационную» прибавочную стоимость, а будут вынуждены довольствоваться атомизированной среднерыночной зарплатой.

В-третьих, «организационная» форма прибавочной стоимости делает очевидным, что знания, о которых теоретики постиндустриального общества пишут как об «общественном благе», на самом деле, не являются таковыми. Знания, которые оказываются «производительными» при одной форме объединения труда и средств производства (так как участвуют в создании «организационной» формы прибавочной стоимости), могут быть абсолютно бесполезными в ходе реализации другого проекта.

В-четвертых, организационная форма прибавочной стоимости, наконец, объясняет, почему в экономической теории капитал признается одним из источников, производящих прибыль. На самом деле, так происходит потому, что «организационная» форма прибавочной стоимости внешне как раз и выступает в качестве производительной силы самого капитала. Как отмечал в «Капитале» К. Маркс, кооперация рабочих «... начинается лишь в процессе труда». Однако «С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. /.../ Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала». ¹

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга первая: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 344-345.

На самом деле капитал здесь выступает лишь в качестве потенциального источника организационной формы прибавочной стоимости. Ведь из того, что организационная прибавочная сила в равной степени принадлежит каждому из участников трудового процесса еще автоматически не следует, что она всегда должна иметь положительное значение. А, следовательно, при одинаковом вложении капитала можно получить неодинаковые массы прибавочной стоимости.

В §4 третьей главы – «**Капитал и наемный труд**» – рассматривается влияние, которое оказывает на социальную структуру общества появление в современной экономике организационной формы прибавочной стоимости.

К. Маркс считал, что в обществе идет неуклонное расслоение на две социальные фракции: рабочих и капиталистов. На основании дихотомического строения общества К. Маркс делал и свои выводы об исторических судьбах капитализма. Между тем, во второй половине XX века в структуре общества начались изменения, которые поставили крест на марксистских представлениях об исторической миссии пролетариата. Даже у марксистов стали выходить в свет книги, в которых отмечалось снижение не просто политической активности, а уже самой доли пролетариата в обществе. Деление общества на пролетариат и буржуазию больше не отражало реальное положение вещей.

Поэтому, констатируя изменения, произошедшие в обществе, постиндустриальные теоретики предложили свою модель классовой структуры общества, которая разделила все население на две большие группы: 1) обладатели знаний (специалисты, эксперты) и, 2) все остальные.

В этой картине общества между «низшей стратой» социальной структуры и классом интеллектуалов, фактически, образовалась пропасть. Если раньше ценности создавались внизу общественной пирамиды, то, после креативной революции, по мысли В.Л. Иноземцева, уже, наоборот, класс, создающий «информационные ценности», стал основным производителем общественного богатства. В такой ситуации уже никто больше не мог сетовать на то, что материальное неравенство между стратами постоянно увеличивается. Ведь в современных условиях «... сам человек формирует себя как носителя качеств, необходимых для представителей высшей социальной страты».

Предполагалось, что ход развития общества в постиндустриальную эпоху станут контролировать подлинные специалисты своего дела: эксперты и ученые из самых авторитетных научных центров и университетов. По Д. Беллу, это, так называемая, «меритократия», то есть «лучшие специалисты в своих областях, согласно мнению собственных коллег». Их компетентность должна была гарантировать стабильность постиндустриального мира. И до того, как в 2008-2009 годах случился мировой экономический кризис, все были уверены в том, что подобные надежды на интеллектуалов вполне оправданы.

Однако во время кризиса выяснилось, что самый активный игрок на мировой арене, это, по-прежнему, - никакие не интеллектуалы, а те же самые буржуа. Стало очевидным, что постиндустриальные теоретики и неомарксисты

ошиблись, приняв уменьшение доли пролетариата в обществе, одни - за всемирно-исторический крах марксизма, другие - капитализма.

Между тем, основополагающий труд К. Маркса называется «Капитал», а не «Пролетариат». И главным доказанным выводом в нем остается концентрация именно капитала, а не пролетариата. Таким образом, для того, чтобы утверждать, что капитализм превращается в новый тип общества, постиндустриальным теоретикам следовало бы доказывать, что прекращается концентрация капитала, а вовсе не «синих воротничков». Однако то, что процесс самовозрастания капитала и его концентрация продолжают - очевидно настолько, что до сих пор никто даже не пытался опровергнуть сам этот факт.

Разумеется, если рассматривать капитализм с точки зрения производства, то, вероятно, уменьшение доли «синих воротничков» в развитых странах мира можно принять за снижение доли реального капитализма. Однако, если его анализировать с, более высокой позиции, - воспроизводственных отношений, то нашим глазам предстанет совсем иная картина.

Во-первых, обнаружится, что пролетариат существует лишь в противостоянии всему классу буржуазии. И если в наши дни стал глобальным капитал, то точно таким же автоматически становится и рабочий класс. Если же посмотреть на рабочий класс без привязки к его национальным границам, то очевидно, что ни о каком исчезновении пролетариата в странах Азии, Африки и Латинской Америки говорить не приходится. Таким образом, напрашивается вывод, что промышленное производство вовсе не сокращается, а просто перемещается на другие континенты.

Во-вторых, обнаружится, что невозможно рассматривать пролетариат в отрыве от, так называемой, «резервной армии труда». Ведь чем больше масса применяемого капитала, тем больше становится и его «промышленная резервная армия». В социальной философии эту аморфную, и все увеличивающуюся группу населения, чаще всего называют «precarious class» («нестабильный класс»).

С «нестабильным классом» смыкается еще одна группа трудящихся, которая находится в еще более тяжелом экономическом положении, и которую в социальной философии принято называть «underclass» («подкласс» или «низший класс»). Представители «андеркласса», включающего в себя всех социальных аутсайдеров, в первую очередь, бесправных иммигрантов, как правило, работают на тех же условиях временных трудовых контрактов или почасовой оплаты, что и «нестабильный класс», но уже в области теневой, а то и откровенно преступной экономики.

Сравнительно новым явлением в социальной структуре общества стало появление такой социальной группы как «working poors» («работающих бедных»). В противоположность этому часть квалифицированных рабочих, имеющих дело с автоматизированным производством и высокими технологиями, образовала, так называемый, «новый рабочий класс» или «когнитариат». К статусу специалистов и средних слоев дрейфует еще одна

группа трудящихся, - так называемые «самостоятельные» или «независимые работники», которые, в большинстве случаев, предоставляет свои услуги сдельно, используя Интернет.

В то же время, автоматизация и компьютеризация банковской, страховой, сферы услуг и т.п. привела к тому, что с точки зрения организации, оплаты и условий труда значительная часть не только «белых воротничков», но даже и представителей среднего класса стала мало чем отличаться от своих коллег в промышленности. Все это говорит о том, что, как верно подметил в своей книге «Политология революции» Б.Ю. Кагарлицкий: «Уходит в прошлое не пролетариат, а классическое представление о нем». ¹

В свою очередь, появление в современной экономике, описанной в предыдущей главе «организационной» формы прибавочной стоимости, добавляет к этой социальной структуре новые черты. В первую очередь, потому, что появление такой превращенной формы прибавочной стоимости как «организационная», по-новому ставит вопрос о производительности и непроизводительности труда.

Постиндустриальные теоретики и неомарксисты много говорят о различии между умственным и физическим, творческим и рутинным трудом. Однако, с точки зрения диссертанта, применительно к стоимости все это – внешние определения, фактически, искусственные. Уже А. Смит объявил производительным только труд, который производит стоимость. К. Маркс добавил к этому определению лишь одно прилагательное – «прибавочную» стоимость.

К. Маркс доказал, что капиталистам безразлично, что именно производить. Их интересуют не те или иные потребительные стоимости, а безудержное возрастание самой стоимости. По мнению диссертанта, пора добавить к этому, что им точно так же безразлично и то, каким образом будет возрастать эта стоимость. «Белые», «синие», или «железные» воротнички станут на них работать. Физический это будет труд или умственный, творческий или рутинный, будут ли это производить азиатские крестьяне или автоматизированные линии, - лишь бы результатом их деятельности стала возрастающая стоимость.

Особенность организационного прибавочного труда состоит в том, что он может создаваться усилиями не только промышленных рабочих. Советская социальная философия много рассуждала о финансовом, торговом и государственном капитале, но почти ничего - о финансовом, торговом и, тем более, государственном пролетариате. Считалось, что эти и некоторые другие социальные группы могут лишь оказывать помощь промышленному пролетариату в создании прибавочной стоимости, но сами в этом процессе не участвуют.

Появление в рамках интенсивной экономики организационной формы прибавочной стоимости на первый план выводит противостояние уже не бур-

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М., 2007. С. 76.

жуа и пролетария, а капитала и наемного труда. Те, кто живет продажей своих сущностных сил, неважно, физические они, эмоциональные или умственные, - все они являются стихийными или сознательными противниками капитала. А поскольку в противоречии с капиталом находится любой, даже самый высокооплачиваемый наемный труд, постольку и революционным потенциалом обладает, по сути, гораздо большее количество социальных групп.

Диссертант отмечает, что именно это и проявилось в Нью-Йорке во время акции гражданского протеста «Захвати Уолл-стрит!», проходившей осенью 2011 года. Среди недовольных всевластием капитала американцев, вопреки предсказаниям марксистов, не было видно пролетариата. Не оказалось там и социальных аутсайдеров – «... бедняков, безработных, преследуемых цветных рас, узников тюрем и заведений для умалишенных». То есть тех, кто, по словам Г. Маркузе, как раз и призван совершить Великий Отказ от капиталистического общества. Главной неожиданностью акции стало то, что большая часть протестовавших в Нью-Йорке американцев принадлежала к тому самому «креативному классу», который, по словам постиндустриальных теоретиков, представляет собой подлинных хозяев современной жизни.

Напрашивается вывод, что снижение доли промышленного пролетариата в развитых странах мира, которому такое огромное значение придают постиндустриальные теоретики, фактически, вовсе не означает заката самого капитализма. Не «когнитариат» вместо «пролетариата фабричных труб» становится новой общественной силой, а уже давно существующий класс - «наемных работников» пополняется новыми своими отрядами.

По мнению Д. Белла, которое он высказал в работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования», это противоречит всем существующим в социальной философии представлениям. «Являются ли пролетариатом, или рабочим классом, все, кто работает за жалованье или зарплату? Но это означает такое расширение рамок понятия, которое делает его неопределенным. (Являются ли все менеджеры рабочими? Относятся ли к ним управляющие и администраторы? Оказываются ли рабочими высокооплачиваемые профессора и инженеры?)».¹

Разумеется, все названные Д. Беллом социальные группы по своей экономической природе не являются пролетариями. Больше того, интересы профессоров, инженеров и менеджеров с интересами «синих воротничков» часто могут и не совпадать. Однако их интересы не совпадают и с интересами капитала. Д. Белл, безусловно, прав в том, что большая часть наемных работников, в самом деле, не производит стоимость как таковую, а потому и не может быть подлинно рабочим классом. И, тем не менее, с точки зрения диссертанта, они создают **стоимость в превращенных формах**, а потому и сами, по сути, являются **превращенными формами пролетариата**.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 199.

В §5 третьей главы – «**Мировая валюта**» как превращенная форма стоимости» – диссертант отмечает, что стоимость в самотождественной форме может находиться лишь в виде денег, поэтому, исследуя философские проблемы теории стоимости, нельзя обойти проблему денежного обращения в условиях современной экономики. И поскольку, философия рассматривает только сущностные стороны действительности, постольку и в денежном обращении следует обратить внимание лишь на самые важные его аспекты. И таким, самым существенным, моментом для денежного обращения планеты последних лет стал отказ правительства США в 70-е годы XX века обеспечивать доллар золотым запасом страны. Это решение, на взгляд диссертанта, оказало огромное и все возрастающее влияние на изменение всей парадигмы стоимостных отношений.

В свое время появление фиктивного капитала, как отмечал в «Капитале» К. Маркс, стало не только «... одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства», но и «...могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы...»¹ Таким же «могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его пределы» стало и освобождение доллара от золотых пут. В итоге крушения Бреттон-Вудской системы мировая экономика резко ускорила свое развитие. В движение были приведены невиданные прежде массы капитала. Как отмечает в своей статье «Виртуальный капитал как форма проявления постиндустриальной экономики» К.А. Лутцева: «... оборот валютных бирж превысил 1100 трлн. долл., рынок производных финансовых инструментов – 860 трлн. долл., в то время как объем совокупного мирового ВВП составляет лишь 65 трлн долл.»²

С падением Бреттон-Вудской системы все валюты, без исключения, превратились в обычный товар, цена которого зависит от спроса и предложения. Поэтому любое правительство получило возможность печатать столько бумажных денег, сколько их могут купить. Последствием этого стало то, что такая сложная система как финансовая, породила свои собственные превращенные формы.

В начале XX века в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин писал о том, что «Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников».³ Теперь же, среди государств-должников мы наблюдаем уже, наоборот, самые богатые страны капиталистического мира. В порядке убывания суммы долга это – США (почти 18 триллионов долларов!!), затем: Великобритания, Герма-

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга третья: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX-LII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II, С. 157.

² Вестник ТГУ. 2010. Выпуск 1 (81). С. 30.

³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк), С. 299-426. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 27, С. 398.

ния, Франция, Япония, Италия, Испания, Люксембург, Бельгия, Швейцария. И не потому, что эти страны, вдруг, стали аутсайдерами. А потому, что сегодняшняя – кредитно-бумажная денежная система – это, по сути, внешним образом перевернутая, прежняя система, основанная на золотом стандарте. В соответствии с таким «переворотом» изменилось и понимание того, кто же является благоприобретателем современного государственного долга.

Особенностью кредитно-бумажной денежной системы, как отмечал в своей классической работе «Финансовый капитал» Р. Гильфердинг, является то, что «... стоимость бумажных денег определяется суммой стоимости товаров, находящихся в обращении». ¹ Из этого следует, что обеспеченность нынешнего доллара опирается вовсе не на товары, производимые в самих Соединенных Штатах, а на сумму всех товаров, которые покупаются и продаются за доллары. В том числе, и это, вероятно, самое главное, на ту сумму стоимостей, которая вращается на рынке деривативов. С точки зрения здравого смысла это кажется невозможным, так как, очевидно, что большая часть этих сумм – явные или скрытые, так называемые, bubbles («пузыри»). Однако, как уже отмечалось в диссертации, в развитом капитализме товаром становится все, что может быть продано. А, кроме того, в перевернутом мире «быть» и «казаться» также меняются своими местами.

Другой особенностью кредитно-денежной бумажной системы, по определению Р. Гильфердинга в «Финансовом капитале», является то, что «...во всякий данный момент бумажных денег не меньше и не больше, чем требуется обращением». ² На практике это означает отсутствие всяких запретов на то, чтобы денежная масса могла увеличиваться сверх всякой меры. И, все-таки, несмотря на столь крупные недостатки, существующая сейчас бумажно-денежная система, обеспечивает равновесие экономики точно так же, как и та, что была основана на золотом стандарте. Просто это – неустойчивое динамическое, а не статическое равновесие. Образно говоря, мировая экономика пересела с роскошного автомобиля на гоночный мотоцикл: скорость больше, а защищенность – меньше.

Как бы то ни было, после того, как доллар перестал обеспечиваться золотом, все валюты, ставшие товаром, перешли в режим свободного рыночного плавления, хотя и с разных исходных позиций. Отныне курс каждой валюты стал определяться ее покупательной способностью по отношению к другим валютам. Это значит, что в финансовом обращении, незаметным образом, начался процесс становления всеобщего эквивалента в валютном обмене или такой превращенной формы стоимости как единая «мировая валюта». На это обращает внимание также Л.Н. Красавина. К сходному выводу приходят и другие исследователи.

Появление Интернета и международных торговых площадок, таких как «Amazon» или «eBay», пластиковых карт, увеличение числа и скорости почто-

¹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959. С. 21.

² Там же, С. 40.

вых отправлений и т.д. приводят к тому, что обмен валютой начинает утвердаться в отношениях между разными экономическими контрагентами, а не только между государствами. Уже сейчас массовый спрос на валюту предъявляют физические лица в связи с деловыми и туристическими поездками, проблемами трудоустройства, лечения и т.п.

Начавшаяся конкуренция валют, в конце концов, приведет к тому, что валюты слабо обеспеченные товарами начнут проигрывать конкурентам. Скажется и такой фактор, на который постиндустриальные теоретики, говорящие об изменении типа общества, обращают внимание меньше всего. Ведь, с их точки зрения, постиндустриальное общество стремится стать обществом услуг. А такие, например, услуги, как те, что оказывают парикмахерские, можно получить лишь по месту жительства. Значит, они уже и сейчас к мировому разделению труда не имеют никакого отношения. С точки же зрения будущей «мировой валюты», стоимостью станут обладать только те идеи, товары и услуги, которые можно будет продать за границей.

Кроме того, конкуренция валют порождает и другую тенденцию. Для того, чтобы деньги функционировали в роли денег, они должны получить, по словам К. Маркса, «объективно общественную значимость», которую может им дать только принудительный курс, обеспечиваемый государством. Между тем, особенностью наших дней является то, что валюты, пускай и в разной степени, давно уже проникли в государственное тело чужих стран. При этом валюта, находящаяся в недрах других государств, по-прежнему, подчиняется законам страны происхождения. А это объективно требует установления государственных границ по ареалу обращения своих валют. Иначе роскошная чужеземная карета, в любой момент может превратиться в тыкву. Во всяком случае, законы валютного обращения требуют появления в будущем сверхгосударств или, по крайней мере, трансгосударственных союзов.

Сегодня главной чертой мировой финансовой системы является то, что, фактически, США играют в глобальной экономике роль «мирового банка». Однако их положение в этом качестве является неустойчивым, так как принудительный курс денег поддерживается государством, а США мировым государством не являются. А без какой-то мировой политической системы, которая бы обеспечивала принудительный курс доллара, США в будущем уже не смогут навязать миру «добровольное признание» своей валюты.

Кризис 2008-2009-х годов показал, что господство доллара в международных расчетах (а его доля колеблется по разным оценкам от 70 до 80 процентов) означает введение скрытого налога на всех граждан мира со стороны США как монополиста денежного печатного станка. Растекание по миру американских бумажных денег (а приблизительно 2/3 долларов обращаются за границами США), фактически, означает снижение покупательной способности других валют. Это ведет к неизбежному схлопыванию рынков и замедлению производства во всех странах. Поэтому, очевидно, что нарастание государственного долга Америки обернется в будущем для мира еще более жестокими финансовыми кризисами.

Неудивительно, что многие страны уже сейчас стараются минимизировать использование доллара в расчетах между собой. Все это позволяет сделать вывод о том, что период господства доллара как основной международной резервной валюты подходит к концу.

Пытаясь определить, каким же будет новый мировой порядок, большинство исследователей склоняется к тому, что наиболее вероятны три варианта развития событий: «... а) статус кво в течение длительного времени, до определения валюты-лидера» «б) возврат к золоту; в) превращение денег в счетные единицы». При этом чаще всего высказывается та точка зрения, что «Единственным безоговорочным победителем станет золото». Однако, с точки зрения диссертанта, такой вариант развития событий является наименее вероятным. Отказ от золотого стандарта придал мировой экономике такой разгонный импульс, такое новое качество, что отказаться от него будет так же трудно, как и от атомной энергии, несмотря на все ее риски.

Переход к счетным деньгам возможен лишь при наличии спокойных и доверительных отношений между государствами, чего в настоящий момент не наблюдается. Таким образом, остается лишь вариант длительного эволюционного развития.

Но каким бы не был действительный вариант развития событий, важно отметить, что становление такой превращенной формы стоимости как «мировая валюта» означает очередной шаг в развитии отношений стоимости. Речь идет о рождении новой ее субстанции. Бумажные деньги всегда назывались денежными знаками. И это были знаки золота. Но знаками чего же становится будущая «мировая валюта»? И, кажется, нам придется ответить, - знаками чистой и неосязаемой обмениваемости, чистой покупательной способности. Таким образом, «мировая валюта» несет нам новый, и как всегда парадоксальный, образ стоимости. И, по мнению диссертанта, процесс появления таких новых образов стоимости никак нельзя считать законченным.

В «**Заключении**» – подводятся итоги исследования, формулируются основные его выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

По теме диссертации опубликованы статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований:

1. Антонов, А.В. Возможна ли информационная теория стоимости? / А.В. Антонов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. - №2 (31). - С. 218-221 (0,25 п.л.).

2. Антонов, А.В. «Экономика знаний»: метафора или реальность? / А.В. Антонов. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. - 2013. - Том 11, вып. 4. - С. 50–55. (0,38 п.л.).

3. Антонов, А.В. О потребительно-стоимостной парадигме общественного развития. / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. - №3. - С. 13-16 (0,25 п.л.).

4. Антонов, А.В. Все ли страны могут стать постиндустриальными?! / А.В. Антонов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. - №1 (36). - С. 176-179 (0,25 п.л.).

5. Антонов, А.В. Товар и вещь. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. - №5. - С. 31-33 (0,19 п.л.).

6. Антонов, А.В. Мировая валюта как форма стоимости. / А.В. Антонов. // Научное мнение. – 2014. - №4. - С. 9-13 (0,31 п.л.).

7. Антонов, А.В. Пролетарий или наемный работник? / А.В. Антонов. // Вестник Бурятского государственного университета, вып. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2014. - №6 (2). - С. 35-40 (0,38 п.л.).

8. Антонов, А.В. Проблемы стоимости в теории постиндустриального общества. / А.В. Антонов. // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2014. - №2 (92). - С. 130-137 (0,5 п.л.).

9. Антонов, А.В. Сколько научных революций было в истории экономической мысли?! / А.В. Антонов. // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. - №5 (2). - С. 119-122 (0,25 п.л.).

10. Антонов, А.В. О перспективах замены труда творчеством в современной экономике. / А.В. Антонов. // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 32. Философия. Социология. Культурология. – 2014. - №11 (340). - С. 64-66 (0,19 п.л.).

11. Антонов, А.В. К вопросу о первичности общественной или личной собственности в первобытной экономике. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. - №11. - С. 12-14 (0,19 п.л.).

12. Антонов, А.В. Является ли собственность фикцией в современной экономике?! / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. - №7. - С. 260-262 (0,19 п.л.).

13. Антонов, А.В. Могут ли машины производить стоимость?! / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. - №8. - С. 269-271 (0,19 п.л.).

14. Антонов, А.В. Обоснование ограниченности «идейного» подхода к формированию стоимости товара. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. - №13. - С. 29-30 (0,13 п.л.).

15. Антонов, А.В. Сколько стоит талант?! / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. - №12. - С. 16-18 (0,19 п.л.).

Другие публикации:

16. Антонов, А.В. Сколько стоит Левша? Об оценке талантливости труда при социализме. / А.В. Антонов. // Пульс-90. Пермские ученые о некоторых теоретических проблемах и практических вопросах перестройки. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1990. - С. 204-215 (0,75 п.л.).

17. Антонов, А.В. Происхождение эстетической ценности как проблема социальной философии. / А.В. Антонов. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. – Пермь: Пермский государственный университет им. А.М. Горького, 1992. – 20 с. (1,25 п.л.).

18. Антонов, А.В. Блеск и нищета марксизма. Статья первая. Верны ли аксиомы? (о философских предпосылках). / А.В. Антонов. // Крест-1. Литературно-художественный, публицистический и научный альманах. – Пермь: «Закамская сторона», рекламно-информационный центр «Интерплэй», 1992. - С. 189-205 (1,06 п.л.).

19. Антонов, А.В. О «густоте» и пустоте некоторых экономических теорий. / А.В. Антонов. // Новые идеи в философии. Выпуск 3. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: изд-во Пермского государственного университета, 1995. - С. 166-168 (0,19 п.л.).

20. Антонов, А.В. Трудовая теория стоимости: критический анализ концепции Д.П. Горского. / А.В. Антонов. // Новые идеи в философии. Выпуск 3. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: изд-во Пермского государственного университета, 1995. - С. 119-125 (0,44 п.л.).

21. Антонов, А.В. О прогрессе в раннем первобытном обществе. / А.В. Антонов. // Новые идеи в философии. Выпуск 18. Межвузовский сборник научных трудов. В 2-х томах. Т. 2. – Пермь: изд-во Пермского государственного университета, 2009. - С. 102-108 (0,44 п.л.).

22. Антонов, А.В. Об экономической природе продукта «информационного труда». / А.В. Антонов. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2012. - №5 (40). - С. 29-33 (0,31 п.л.).

23. Антонов, А.В. Основание социологии. Часть I. Человек смышленный, или О происхождении логического мышления и сознания. / А.В. Антонов. Монография. – Пермь: изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2012. – 286 с. (17,88 п.л.).

24. Антонов, А.В. О «резонансной» форме прибавочной стоимости. / А.В. Антонов. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2013. - №7 (44). - С. 99-106 (0,5 п.л.).